

Я.А. Волкова

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград*

Ya.A. Volkova

Volgograd State Pedagogical University, social, Volgograd

ЖЕСТОВЫЕ ЗНАКИ В ДЕСТРУКТИВНОМ ОБЩЕНИИ

GESTURAL SIGNS IN DESTRUCTIVE COMMUNICATION

Ключевые слова: деструктивное общение, невербальные компоненты коммуникации, жест, эмблематический жест (эмблема), иллюстративный жест (иллюстратор), регулятивный жест (регулятор), метафоричность жеста

Keywords: destructive communication, nonverbal components of communication, gesture, emblematic gesture (emblem), illustrative gesture (illustrator), regulative gesture (regulator), metaphoricity of gesture

Описывается функционирование различных типов жестов в деструктивном общении. Анализируются функции жестов, рассматриваются их основные типологические характеристики. Делается вывод о метафоричности некоторых жестов деструктивного общения в русской лингвокультуре.

In the article, functioning of different types of gestures in destructive communication is described. Functions of gestures are analyzed, their basic typological characteristics are considered. The conclusion about the metaphoricity of some gestures in destructive communication in Russian lingua-culture is made.

Аксиоматичным является утверждение, что процесс коммуникации не протекает изолированно от конкретной ситуации общения. Это означает, что для коммуникантов важно все, что так или иначе связано с партнером по общению: тембр голоса говорящего, паузы, интонация, его жесты, мимика, позы. Несмотря на то, что эмоциональная информация, выражаемая указанными средствами, рассматривается как дополнительная к интеллектуальной, она не просто сопровождает ее, а зачастую определяет ход коммуникативного процесса. Границы невербальной коммуникации трактуются лингвистами неоднозначно с самого зарождения паралингвистики – дисциплины, в сферу интересов которой и входят невербальные средства, сопровождающие речь (см. работы Э. Сэпира, Д. Кристэла, Р. Бердвистелла, А. Мейрабиана, Дж. Трейджера, Р. Питтенджера, Х. Смита, Д. Лэтерса, Г.И. Колшанского, М.В. Давыдова, Т.М. Николаевой и др.), однако, в настоящее время наиболее распространенным является следующий подход. Под паралингвистикой понимается «наука, которая составляет отдельный раздел невербальной семиотики и предметом изучения которой является параязык – дополнительные к речевому звуковые коды,

включенные в процесс речевой коммуникации и могущие передавать в этом процессе смысловую информацию» (Крейдлин, 2004: 27). Изучением же «языка тела» занимается кинесика, которая, наряду с паралингвистикой, является центральной частью невербальной семиотики. Ее объектом выступают, прежде всего, жесты рук, а также мимические жесты, жесты головы и ног, позы и знаковые телодвижения (там же, с. 43). Для деструктивного общения жесты имеют особое значение, ибо появляются на пиках коммуникативного динамизма в моменты ослабления рационального контроля над эмоциональной сферой (речевые отрезки с низким коммуникативным динамизмом обычно не сопровождаются никакими жестами) (Николаева www). В агрессивной коммуникации жесты часто представляют собой некую ступень перехода от агрессивного состояния к акту прямой вербальной или физической агрессии. Задачей данной статьи является рассмотрение роли жестов в особом типе человеческого общения – деструктивном общении, под которым мы понимаем общение, направленное на *сознательное преднамеренное* причинение собеседнику морального и физического вреда и характеризующееся чувством удовлетворения от страданий жертвы и сознанием собственной правоты (Волкова, 2012). Мы также берем за основу понимание жеста как отдельного телодвижения, имеющего определенное социо-культурное значение в определенной системе кинетических средств, исключая из понятия жеста мимические и пантомимические акты. Материалом для данной статьи послужили текстовые описания жестовых компонентов в ситуациях деструктивного общения, а также данные наблюдений и включенного эксперимента.

Известно, что жестовые компоненты общения играют огромную роль в раскрытии эмоционального состояния коммуникантов. По некоторым (весьма смелым) оценкам, 93% общего влияния на сообщения на адресата составляет влияние невербальных средств, в том числе и жестов, в то время как влияние вербальных средств ограничивается 7 процентами (Mehrabian, 1972). При этом функции жестов в общении разнообразны и сводятся, хотя, не ограничиваются, к следующим: 1) повторение или дублирование актуальной речевой информации; 2) противоречие содержанию речевого высказывания; 3) замещение речевого высказывания; 4) подчеркивание или усиление отдельных компонентов высказывания; 5) дополнение речи в смысловом отношении; 6) регулирование речевого общения (Крейдлин, 2004: 61–63). Было установлено, что в деструктивном общении жесты выполняют также особую функцию – функцию предвосхищения вербального выражения агрессивных эмоций и физической агрессии.

Однажды, в минуту откровенности, заговорив с Штаалем наедине об императрице Екатерине, месье Дюкро потряс кулаками в воздухе и произнес несколько слов, которые восемнадцатилетний Штааль не совсем понял, хотя хорошо владел французским языком. (М.А. Алданов. *Девятое термидора*. НКРЯ).

Сжав кулаки, она стоит перед Игнатовым, готовая ударить его. (А. Н. Арбузов. *Таня*. НКРЯ).

В деструктивном общении используются разнообразные типы жестов. Невербальная семиотика располагает рядом классификаций жестов, проведенным по различным основаниям: по органам человеческого тела, «отвечающим» за исполнение жеста, по месту воспроизведения; по степени автономности выполнения; по количеству повторений (редупликаций); по отношению к источнику появления в данном языке (исконные и заимствованные), по речевым функциям и др. Одним из наиболее известных является подразделение жестов на три больших семиотических класса: 1) жесты-эмблемы; 2) жесты-иллюстраторы; 3) жесты-регуляторы, внутри каждого из которых выделяются свои типы (Крейдли, 2004: 79–126). В каждом из данных классов представлены жесты, используемые в деструктивном общении. Согласно уточненной семантической классификации эмблематических жестов Г.Е. Крейдлина, выделяются два основных семантических класса эмблем – коммуникативные и симптоматические. Коммуникативные эмблемы – это жесты, несущие информацию, которую жестикулирующий намеренно передает адресату (там же, с. 99). В русской лингвокультуре нами были отмечены следующие наиболее популярные коммуникативные эмблемы деструктивного общения (было проанализировано около 500 контекстов деструктивного общения в художественной и публицистической литературе, в которых присутствовало описание жестовых компонентов) – жесты угрозы и оскорбления: погрозить кулаком/ пальцем, покрутить пальцем у виска, постучать рукой по лбу, выставить средний палец (грубый оскорбительный жест, по мнению антрополога и исследователя жестовой коммуникации Д. Морриса являющийся одним из самых древних из известных нам жестов). Использование последнего в соответствующем контексте может вызвать бурную негативную реакцию со стороны реципиента. Следующий пример взят из репортажа о девушке, пришедшей в школу вождения:

Во время урока вождения, инструктор кричал и ругался на девушку, так как у нее не получалось профессионально справиться с автомобилем. В итоге девушка не выдержала и показала учителю средний палец, на что инструктор отреагировал очень быстро и «педагогично». Он просто взял и сломал ученице руку (<http://www.autospletnik.ru/vot-chto-proizojdet-esli-pokazat-srednij-palec/> - 20.04.2013).

Данная ситуация представляет собой пример деструктивного типа общения, направленного на унижение и подчинение партнера по коммуникации. Реакция инструктора на неприличный жест неадекватна и является примером перехода от вербальной агрессии (ругался и кричал) к акту прямой физической агрессии (сломал руку).

Следующий пример показывает, как неосторожное использование данного жеста может спровоцировать общественный скандал:

Лауреат престижной премии "ТЭФИ" Татьяна Лиманова представляла сюжет об участии российского лидера Дмитрия Медведева на саммите стран Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) на Гавайях. Комментируя эту новость, телеведущая отметила, что "Дмитрий

Медведев стал сегодня председателем организации азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества", добавив, что "ранее этот пост занимал американский президент Барак Обама".

Сразу за этими словами, не поднимая глаз и продолжая увлеченно читать текст новости, Лиманова неожиданно для зрителей подняла вверх левую руку и вытянула средний палец. Вслед за этим однозначно трактуемым жестом картинка на экране сменилась на кадры с российским президентом на саммите АТЭС. (<http://newsru.com/russia/24nov2011/limanova.html>)

Несмотря на то, что данную ситуацию общения нельзя отнести к деструктивному ни по одному из выделяемых нами признаков (см. Волкова, 2012), и вышеупомянутый жест, как оказалось, не относился ни к Б. Обаме, ни к кому-либо из политических деятелей, его использование вызвало широкий общественный резонанс и повлекло наказание телеведущей.

Кроме анализа вербального описания письменно зафиксированных коммуникативных жестов-эмблем был проведен несложный включенный эксперимент: автор, управляя автомобилем, преднамеренно немного задерживалась при повороте, что вызывало раздражение у некоторых участников дорожного движения (всего было «создано» 58 ситуаций, спровоцировавших невербальную реакцию водителей). Увиденные жесты были затем записаны и систематизированы. Некоторые водители успевали за короткий промежуток времени продемонстрировать несколько оскорбительных и угрожающих жестов. Наиболее популярными оказались оскорбительные жесты «средний палец», «палец у виска», сопровождаемые нажиманием на гудок, соответствующей мимикой и вербальными комментариями.

Второй тип эмблематических жестов – симптоматические жесты – представляет собой кинемы, выражающие эмоциональное состояние жестикулирующего, при этом именно эмоция (а не ее физиологическое выражение) выступает означаемым всех симптоматических жестов (Крейдлин, 2004: 114). Наиболее распространенными симптоматическими жестами нарастающей агрессии являются жест «замахнуться на кого-либо», сжимание кисти в кулак (точное значение данного жеста может быть определено только из контекста, т.к. сжимание кисти в кулак может быть симптомом сильного волнения и некоторых других эмоций), жест-потрясение кулаками, либо когда напряженные руки обхватывают воображаемое горло и душат воображаемого противника. Интересная особенность симптоматических жестов была подмечена Г.Е. Крейдлиным, установившим, что говорящий может *намеренно* воспроизводить их в диалоге для обозначения соответствующей эмоции, при этом не испытывая данной эмоции, переводя тем самым симптоматический жест в разряд коммуникативных (там же, с. 114).

Иллюстраторы – спонтанные жесты, сопровождающие речь (в отличие от предыдущего класса жестов-эмблем, которые могут употребляться независимо от речи и имеют самостоятельное лексическое значение) – самый

обширный класс жестов, направленных на передачу информации и выполняющих коммуникативную функцию. Согласно экспериментальным данным, в речи на 100 иллюстративных жестов приходится примерно 1 эмблематический (Николаева www). Наиболее известная типология иллюстративных жестов была предложена в 1982 году Д. МакНилом и Э. Леви (McNeill, Levy, 1982). Ученые выдвинули гипотезу о том, что жесты являются компонентом вербального, а не невербального поведения человека, и выделили четыре группы иллюстративных жестов: ритмические (многократные жестовые ударения, падающие на каждый слог или на ударный слог каждого слова в выделяемом фрагменте), дейктические (указывают на некоторый референт или точку во времени или пространстве), иконические (изобразительные жесты – наиболее сложные по форме, передающие коммуниканту какую-то информацию, дублируя или дополняя слова) и метафорические (чье содержание передает некую абстрактную идею). К метафорическим могут быть отнесены такие жесты, которые одновременно отображают две вещи: 1) основу метафоры, а именно нечто реально существующее, что представлено в жесте; 2) некую абстрактную идею, выраженную жестом. Чаще всего встречаются т.н. «метафоры передачи» (*conduit metaphor*), которые могут сопровождать вопрос, просьбу, восклицание или обращение. Типичная форма жеста «метафора передачи» такая: ладонь говорящего раскрыта и развернута вверх, и рука делает движение вперед, к адресату; тем самым говорящий как бы передает на ладони свою реплику слушающему (McNeill, Levy, 1982; McNeill, 1992). Данная классификация иллюстраторов подверглась критике со стороны многих исследователей (см. напр. Kendon, 2004, Николаева www), и спустя более чем 20 лет Д. МакНил предложил разграничивать не сколько вышеуказанные *типы* жестов, сколько их *аспекты* или *характеристики* (*dimensions*), т.е. *иконичность, дейктичность, ритмичность и метафоричность*, обосновав это тем, что рассматриваемые семиотические характеристики не являются категориальными и иконичность, ритмичность и т.д. зачастую характеризуют один и тот же жест (MacNeill, 2005: 41). Необходимо отметить, что Д. МакНил рассматривает метафору не в традиционном литературоведческом понимании, а как средство познания, концептуализации действительности, следуя концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Концептуальная метафора характеризуется наличием некоего абстрактного содержания, передаваемого через вполне конкретный образ, который в свою очередь, становится частью значения. Жесты добавляют образность необразным понятием и являются культурно-специфическими – образы, создаваемые с помощью жестов и их метафорическое продолжение охватывают самые глубокие бытийные представления определенной культуры (MacNeill, 2005: 45–47). Таким образом, можно рассмотреть жесты деструктивного общения с точки зрения культурной модели физиологических проявлений, например, гневной агрессии, которая формирует основу для метафоры «Гнев есть горячая жидкость в контейнере» или «Гнев есть жар», а также частного случая данной концептуальной

метафоры, метафоры «Гнев есть огонь». Данная метафора является наиболее распространенной концептуальной метафорой гнева как в англо- так и в русскоязычной культуре (Lakoff, 1987; Kovesces, 1990; Покровская, 1998). В русском языке существует множество слов и метафорических выражений гнева, которые подчиняются сценарию гнева как горячей жидкости в контейнере, и связаны и идеей температуры: *(за)кипеть, кипяти́ться, взрывать(ся), бурлить, вспылить, выпускать пар, вспыхнуть, доводить до белого каления, метать искры/молнии* и др. Данная метафора подчеркивает аспект интенсивности гнева (*напирать, переполнять*), и его опасности для окружающих и самого субъекта эмоции вследствие потери контроля и перехода к открытой агрессии. Возбуждение человека является, в свою очередь, частью культурной модели безумия (Kovesces, 1990: 59), ибо открытое агрессивное поведение человека похоже на поведение безумного человека. Многочисленные метафорические выражения отражают базовые представления о влиянии эмоции гнева на человека: человек в состоянии гневного аффекта не может функционировать нормально, его поведение подобно поведению сумасшедшего, *(обезуметь, белены объестся, взбелениться, рвать и метать, бесноваться и др)*, что представляет реальную угрозу для окружающих. В жестовых компонентах отражено не только их биологическое происхождение, но и отсылка к существующим концептуальным метафорам. В качестве примера рассмотрим жест «сжимать кулак(и)», который характеризуется многозначностью.

Выступает японский спортсмен, сжимает лимон в кулаке — и в стакан вытекает 50 граммов лимонного сока. (А. Тарасов. Миллионер. НКРЯ)

В приведенном примере рассматриваемый жест не иконичен и не метафоричен, а является непосредственным описанием производимого действия.

Нина рожала там же, за занавеской, а я выходил на двор и сжимал кулаки так, что ногти впивались в ладони. (И. Грекова. Хозяева жизни. НКРЯ) – жест обозначает крайнюю степень волнения персонажа и характеризуется метафоричностью: он как бы «запирает» эмоцию внутри, отсылая нас к главной концептуальной метафоре эмоций – тело человека есть контейнер для эмоций, которые могут стремиться вырваться из этого контейнера при нарастании интенсивности.

В следующих примерах рассматриваемый жест являются знаком враждебности и агрессивных намерений:

«Я тебя душить буду!» — при этом он лиловел, сжимая кулаки, словно душил сразу двоих одновременно (М. Палей. Поминование. НКРЯ)

Вам чего тут надо? — крикнул он, сжимая кулаки и смеясь своими запенившимися от злобы губами. (И. Анненский. Вторая книга отражений. НКРЯ)

Данный жест является не просто знаком нарастающей агрессии: он как бы отсылает нас к концептуальной метафоре контейнера, согласно которой агрессивные эмоции накапливаются подобно горячей жидкости в контейнере

(по аналогии с давлением воды, зажатой в плотине) и могут вырываться наружу при отсутствии сдерживающих факторов. Безошибочно отнести рассматриваемый жест к жестам деструктивной коммуникации нам помогают другие невербальные (описание физиологических и мимических проявлений гнева/ ненависти «лиловел», «смеясь запенившимися от злобы губами») и вербальные (речевой акт угрозы «я тебя душить буду») ключи. Собеседник, замечая данный жест, немедленно осознает, что контейнер переполнен и человек может «взорваться», если его не успокоить. Таким образом, жест «сжимать кулак(и)», кроме иконичности, характеризуется метафоричностью, т.к. «картинка», создаваемая с помощью данного жеста, будучи доступной для понимания, играет решающую роль в процессе концептуализации эмоций группы гнева.

Третий семиотический класс жестов составляют регуляторы – «движения, устанавливающие, поддерживающие и регулирующие диалог» (Крейдлин, 2004: 125). К ним относятся некоторые кивки, мелкие движения типы смены поз и некоторые движения тела. Данный тип жестов тесно связан с социальной, этнической и культурной принадлежностью жестикулирующего (там же, с. 125–126). Так, например, если для ребенка, желающего вставить слово в разговор, допустимо просто схватить собеседника за руку, то для взрослого русского человека такой жест является, если либо знаком крайнего волнения, либо недостатка воспитания, либо агрессии.

Он не дал ей договорить, схватил за руку и, задыхаясь от внезапного наплыва гнева, отшвырнул от стола (П. Боборыкин. Василий Теркин. НКРЯ).

К жестам-регуляторам относится такая традиционная форма приветствия как рукопожатие. Данный жест не только регулятивен, но и символичен, т.к. обозначает доверие и уважение к партнеру. Важнейшими компонентами данного жеста являются интенсивность и длительность.

Он хотел сперва поцеловать его в плечо, но так как Николай вместо того пожал ему руку, то Феноген важно откинулся назад и ответил крепким, до боли, пожатием. Он позволял себе думать, что он не слуга, а друг Николая, и рад был публичному признанию его в этом достоинстве (Л. Андреев. В темную даль).

В данном примере рукопожатие «до боли» не является знаком агрессии и деструктивного поведения, а, наоборот, знаком признания статусного равенства, глубокого уважения и дружбы.

С другой стороны, если человек не подает руки в ситуациях, когда от него это ожидается, это может быть расценено как знак отрицательного, вплоть до деструктивного, отношения к собеседнику:

Выйдя из вагона, Сталин не подал руки никому из встречавших, а Медведя ударил по лицу, не снимая перчатки (Р. Медведев. О Сталине и сталинизме. Исторические очерки. НКРЯ).

Необходимо отметить, что б`ольшую часть регулятивных жестов составляют мимические и пантомимические регуляторы, однако в рамках данной статьи эти группы кинетических компонентов не рассматриваются.

Подведем итоги. Жестовые знаки, так же, как и другие невербальные знаки, являются важнейшим компонентом деструктивного общения. В рассматриваемом типе общения наряду с основными функциями, присущими жестам, они выполняют также особую функцию – функцию предвосхищения вербального выражения агрессивных эмоций и физической агрессии. Жесты, используемые в деструктивном общении, относятся к различным семиотическим группам в рамках описанной классификации. Однако было отмечено, что между различными типами жестов в деструктивном общении не всегда можно провести четкую границу (например, жест «сжимать кулаки» может рассматриваться и как симптоматический жест и как жест-иллюстратор), что на наш взгляд, объясняется их эмоциональной природой. Отдельная перспектива работы связана с дальнейшим более детальным изучением метафоричности эмоциональных жестов, которая до настоящего времени не подвергалась исследованию. Исследование метафоричности в жестах эмоциональной коммуникации позволяет вывести границы жестовой образности за пределы конкретных обозначений. Мы полагаем, что метафорические жесты могут рассматриваться как важнейшее средство концептуализации сложных абстрактных понятий, которыми, в частности, являются и эмоции.

Литература

1. Волкова Я.А. Коммуникативная личность в ценностных параметрах неэкологичного общения // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». – № 8 (72). – Волгоград, 2012. – С. 4 – 7.
2. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 584 с.
3. Николаева Ю. В. Значение и функции жестов-иллюстраторов в устной речи [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2013. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/Nikolaeva/Nikolaeva.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., 01.06.2013.
4. Покровская Я.А. Отражение в языке агрессивных состояний человека (на материале англо- и русскоязычных художественных текстов). – Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1998. – 188 с.
5. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. - Chicago and London: The Univ. of Chicago Press, 1987. - 614 p.
6. Kendon A. Gesture: Visible Action as Utterance. – Cambridge University Press, 2004. – 412 p.
7. Kövesces Z. Emotion Concepts. – New York: Springer-Verlag, 1990. – 230 p.
8. Morris D. Manwatching: a Field Guide to Human Behavior. – New York: Harry N.Abrams, Inc, 1977. – 320 p.

9. McNeill D., Levy E. Conceptual representation in language and gesture // R.J. Jarvella, W. Klein (eds.) *Speech, Place and Action*. – New York: John Wiley & Sons Ltd., 1982. – P. 271 – 295.

10. McNeill D. *Hand and Mind: What gestures reveal about thought*. – Chicago: Chicago University Press, 1992. – 423 p.

11. McNeill D. *Gestures and Thought*. – Chicago: The University of Chicago Press, 2005. – 318 p.

12. Mehrabian A. *Nonverbal Communication*. – Chicago, New York, 1972. – 226 p.

Список источников примеров

1. НКРЯ. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2013. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., 01.06.2013.

References

1. Volkova Y.A. Communicative person in the value of communication non-ecological parameters // *Proceedings of Volgograd State Pedagogical University*. Ser. " Philology ." - № 8 (72). - Volgograd, 2012 . - Pp. 4 - 7.

2 . Kreydlin G.E. *Nonverbal Semiotics: Body language and natural language* . - Moscow: New Literary Review , 2004 . - 584 p.

3 . Nikolaeva Yu. V. Meaning and function of gestures illustrators in speech [electronic resource] . - Electron . data. - 2013 . - Mode of access : <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/Nikolaeva/Nikolaeva.htm>, free . - Caps . from the screen. - Jaz . Rus. , 01.06.2013 .

4 . Pokrovskaya Ya.A. Reflected in the language of aggressive states rights (based on English and Russian literary texts) . - Dis. ... Candidate . Philology . Sciences . - Volgograd , 1998 . - 188 .

The list of examples of sources

1. NKRYa. The national corpus of the Russian language [Electronic resource]. An electron. data. - 2013. - Mode of access: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> free. - title from the screen. - lang. Rus., 01.06.2013.

(0,5 п.л.)